

Саша Чёрный

Тихая девочка

Часть сборника
Дневник фокса Микки.
Стихотворения (сборник)

Саша Чёрный

Тихая девочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4985378

*Дневник фокса Микки. Стихотворения / Саша Чёрный: Эксмо; Москва;
2006*

ISBN 5-699-19408-8

Аннотация

«Утром Тосю будить не надо: просыпается она вместе с цикадами и петухами – их ведь тоже никто не будит. Проснется и тихо лежит рядом с матерью, выпростав голые ручки из-под легкого одеяла. В оконце качается мохнатая сосновая ветка. Порой присядет на ветку острохвостая сорока, – в самую рань, когда люди еще спят, она всегда вокруг дома хлопочет. Птица старается удержаться на пляшущей ветке, смешно кланяется клювом, боком топорщит крыло и перебирает цепкими лапками. Шух. И слетает за край окна к веранде. Тося слушает: со стола что-то со звоном летит на пол. Вчера исчезла новая алюминиевая ложечка, должно быть, сорока добирается до вилки. А в кустах над домом взволнованно бормочет другая – подает первой сигналы...»

Саша Чёрный

Тихая девочка

Утром Тосю будить не надо: просыпается она вместе с цикадами и петухами – их ведь тоже никто не будит. Проснется и тихо лежит рядом с матерью, выпростав голые ручки из-под легкого одеяла. В оконце качается мохнатая сосновая ветка. Порой присядет на ветку острохвостая сорока, – в самую рань, когда люди еще спят, она всегда вокруг дома хлопочет. Птица старается удержаться на пляшущей ветке, смешно кланяется клювом, боком топорщит крыло и перебирает цепкими лапками. Шух. И слетает за край окна к веранде. Тося слушает: со стола что-то со звоном летит на пол. Вчера исчезла новая алюминиевая ложечка, должно быть, сорока добирается до вилки. А в кустах над домом взволнованно бормочет другая – подает первой сигналы.

Сквозь успокоившиеся сосновые иглы радостно разливаются желто-румяный солнечный леденец. Если закрыть глаза и быстро снова открыть, кажется, что это и не солнце, а подводный коралловый грот, из которого и выплывать не хочется.

В дверь осторожно скребется соседний бульдожка. Тося его голос знает, – умоляет, просит, захлебывается, будто горло борной кислотой полощет. Но впустить его нельзя... Плюхнется на одеяло, разбудит маму, разобьет стакан на сто-

лике у изголовья. Он ведь любит от всего сердца, что ж ему со стаканами церемониться.

– Уйди! – шепчет девочка, беззвучно шевеля губами. – Уйди, Мушка... Я еще не проснулась, а мама спит.

Беззвучный шепот через дверь доходит до чуткого собачьего уха. Мушка разочарованно опускает нос, подымает переднюю лапу, будто защищаясь от обиды, и, виляя задом, плетется к помойной яме за сосной. Люди спят, можно и не притворяться благоразумным.

А у Тоси новая забота. Сквозь загнутый ветром уголок кисеи в комнату пробралась зловредная муха – овод – и закружилась над маминым лицом. Девочка боится, но нельзя же позволять мухе безобразничать. Тося схватывает со стула свои мотыльковые штанишки и машет на злую тварь, пока та, задетая пуговкой, не слетает на пол. Сама виновата... Там на веранде на клеенке капли варенья и крошки бисквита, – непременно ей надо кусать маму или мула... Вот и ползай теперь раненная на полу, пока не выметут колючим веником в лес.

Купальный халат в углу, похожий на бедуина из детской книжки, порозовел на солнце. Если посмотреть сквозь пальцы, бедуин превращается в цветущую яблоню. Но только на минуту. Тося по-настоящему не умеет «волшебничать». Только во сне. Но проснешься, и ничего нет, и ничего не помнишь, будто с одной звезды на другую упала.

Почему никто не встает? Примус сонно блестит на сто-

лике, – он тоже ждет, чтобы его разбудили, подлили в чашечки спирта, накачали воздух... Зашипит голубенькой коронкой газ, забулькает в чайнике вода, заворчит мама, будет, как всегда, искать мохнатую тряпку, чтобы схватить горячую ручку. Спят. Тося прислонилась к стенке, подобрала под себя ножки и, боком, томная, как котенок в теплых стружках, зарылась опять в подушки. Прохлада заструилась сквозь кисейку, коснулась ресниц. Шмель ударился о мамину цитру, и светлый рокот поплыл-поплыл... Смолк или еще звенит? Ни за что не уследишь. Что ж, если никто не хочет вставать, стоит ли растирать глаза и бодриться, – второй утренний сон все равно ведь сильнее.

* * *

Ушки холодные, румяные, крепкие, – мать только что их вымыла студеной водой из колодца. Ветер забавляется – пушит льняные волоски над бровями сквозным одуванчиком. Глаза, прозрачно-синие кукольные стекляшки, серьезные: кто знает, о чем думает маленькая девочка, когда она утром пьет на веранде какао? Быть может, ни о чем, быть может, над светло-коричневым озером в чашке носится в купальных штанишках лебеденок и мешает Тосе пить...

– О чем ты думаешь, Тося? – спрашивает ее бородатый гость, отрываясь от газеты.

Ни за что на свете Тося на такой вопрос не ответит. Да и

гость спросил от нечего делать, перевернул страницу и даже не ждет ответа.

Перед девочкой круглая сдобная булочка, посыпанная сахарными блестками. Совсем как игрушечный детский хлеб, хотя и взрослые очень его любят. Ест Тося по-своему: кусочек себе, кусочек бульдожке под столом, не ошибется до последней крошки. И хотя несправедливые взрослые учат ее каждое утро: «Ешь сама, что ж ты чужую собаку сдобной булкой кормишь?» – девочка, как от овода, отмахнется ложечкой от скучных слов и продолжает свое.

После какао она свободна до самого обеда. Далекое ходить нельзя, но и вокруг дачи, когда ходишь по ниточке-невидимке, немало забавного. Муравьи подбирают со ступенек сахарные крупинки. У них под пнем подземная лавочка: все уносят туда. Дачники осенью разъедутся, и у муравьев запас на всю зиму. Осы облепили под вереском банку из-под сгущенного сладкого молока. Не только дети, кошки, собаки, ящерицы и всякая мелкая тварь, летающая и ползающая, любят сладкое. Крайняя оса, с перехватцем на талии, как у балерины, сосет свою капельку без конца. Как у нее живот не разболится? Вздрогнет, оторвется, отдохнет и опять за свое.

Ос и пчел девочка не боится. Если их не трогать, не мешать им пить и есть, ходить среди них серьезно и важно, – они не обижают. Бульдожка и тот это понимает: стоит перед ульем, серым домиком, вывалив язык, и с любопытством

смотрит вместе с Тосей, как копошится пчелиный народ на своем крылечке у темной щелочки. Но по низким шершавым кустам расстилается грязная паутина, и в ней всегда узким втянутым устьем вход. Там живут огромные светлопузые пауки. Пройдешь близко, наступишь на хворостинку, и из норки выскакивает сердитый противный разбойник: сунься-ка ближе! Тося всегда вежливо, стараясь не шуметь, обходит такие кусты. И шершней она боится: когда взрослые гонят залетевшую злюку из комнаты кто лопатой, кто старыми штанами, девочка зарывается в висящее на стене платье и ждет, пока представление кончится.

Любит она шум. Не тот, что поднимают люди, когда спорят на веранде в восемь голосов сразу или ссорятся, перебрасываясь картами, или поют рыхлыми голосами непонятные песни, – а когда шумят на свободе деревья, тростник, море. Сосна гудит на ветру гулко и широко; тряхнет зеленой гривой, залопочет и опять низко-низко зашипит, будто парус по можжевельнику тащат. Тростники внизу у ручья посвистывают, словно ласточки на лету, пищат, просят ветер, чтобы не трепал их, не заставлял кланяться до земли. А сквозь зеленые лесные голоса вдруг: бух-бу-бух. Это море шлепнулось о песок, обрушило толстую волну... И отходит назад, волочит шлейф по гравию. Тося слушает. У старого каштана свой шум: шелестит, будто сквозь сон бормочет. А нижние лапы молча и плавно покачиваются. До них ветру не пробиться.

Гость злится – ветер унес деловое письмо в лес. Мама злится – ветер «действует ей на нервы»... Нервы – это когда дрожат губы и достается всем... И Тосе, и стакану, который стоит не на месте, и бабочке, влетевшей в комнату. Злится и бабушка: ни один пасьянс не удастся, ветер путает все карты... И только Тося спокойна. Прищурив глаза и заложив худые ручки за спину, стоит она на камне и смотрит в чашу. Где ветер? Какой он? Пепельные волосы, толстые щеки... Ходит по вершинам деревьев, трещит и дует во все стороны. Чтобы внизу не болтали, чтобы человеческого белья между стволами не развешивали, чтоб в лодках среди залива не кричали, чтоб рыб крючками не мучали...

Наслушается Тося лесного скрипа, шуму и шорохов и, как собачка, начинает кружить среди камней и кустов. Ищет тишины. Есть такие складки на скате холма, в русле высохшего ручья, за старыми пнями, куда ветер не добирается. Маленькой девочке немного и нужно, притаится под вереском в ямке из-под вывороченной сосновой пятки и точно на бесшумном острове поселилась. Вдали перекачивается гул, а вокруг нее безмолвное гнездо: цикады где-то в вышине глухо точат свои ножницы, лохматые ветки не шелохнутся. А если повесить перед глазами на колючем шиповнике синий фартучек и глубже усестся в ямку, – вот у тебя и свой лесной домик, и все муравьи застилают вокруг хвоей все тропинки, чтобы никто до тебя не добрался. Такой приказ отдает им маленькая девочка.

Так тихо сидит Тося, что ящерица доползает с камня на камень до ее оранжевой туфельки и недоуменно поднимает острый носик: живая девочка или цветок какой-нибудь невиданный. Но когда издали позовут козье молоко пить, ясно, что девочка самая настоящая: встряхнется, погладит теплый камень и, раздвинув камыши, пойдет ровными шажками на призывный голос. Молоко теплое и так вкусно пахнет тмином и шерстяным шарфом. Первую половину чашки Тося выпивает как следует, а потом начинает медленно сосать сквозь зубы. Молоко пузырится, Тося мотает головой и пофыркивает: она уже не Тося, она козленок... Так легче и приятней допить вторую половину чашки.

* * *

Взрослые купальщики сидят на пляже в темных очках, все они – и мужчины и женщины – стали немножко похожи на Бабу Ягу. Скрестили по-паучьи лапы, пересыпают из горсти в горсть песок. Разговаривают. Но Тосе очков не нужно: чем ярче переливается в воде перламутровая чешуя, тем ей веселее и уютнее. Складывает загоревшие ручки, тихо восхищается и не насмотрится. Вон голубая дорожка протянулась к мысу, чистая и ясная, а по бокам танцуют солнечные пчелки и золотые иглы. Почему дорожка не сливается с пестрой огненной водой? Или под ней лежат полоской лазурные камушки? Или стайки васильковых рыб проплывают пассивно-

ном, пара за парой, под водой, просвечивая сквозь прозрачную зыбь?

Из-за скал выплывает кораблик. Белыми наволочками вздулись паруса. Ни одного человека. На Тосю никто не смотрит, – она подымает на камышинке свою оранжевую туфельку. Это – привет. И ясно видит, только она одна и видит, как поваренок, негритянский мальчишка, ей в ответ машет связкой бананов. «Плывем на Корсику. Будь здорова! На обед баранина с рисом и кисель...»

Как там у них, должно быть, хорошо, на плавучей даче под прохладными парусами... Поваренок молча чистит медную кастрюлю. Тося обмахивает его пальмовым веером, чтобы ему было прохладнее, а корабельный барбос, добродушно посматривая на новую пассажирку, прилежно ищет на животике морскую блоху. Паруса растаяли, затонули в молоке далеких облаков...

– Тося, купаться! Что ж ты сидишь как принцесса...

Разве принцесса станет сидеть одна, без свиты, на старом полотенце, обхватив пальцами острые коленки, и думать о каком-то поваренке? Но Тося не возражает. Слова каждый день меняются: то она дичок, то недотрога, то принцесса... Пусть. Она послушно идет в море. Холодная влага лизнула пятки, студёный поясок подымается выше до бедер, до края трусиков... Тося ласково гладит воду, обливает себе плечики светлым морским стеклярусом. Становится на коленки и делает вид, будто плавает... Чудесно! Песочного цвета иголь-

чатые рыбки проплывают под водой, – им никогда не бывает жарко... Налево под скалой, где вода под прохладной тенью зеленой малахитовой бабушкиной брошки, у них дом. Но в светлые солнечные часы не сидеть же им, рыбьим малышам, там, среди подводных стеблей с большими серьезными рыбами...

Солнце пропекло насквозь резиновый колпачок, но колени дрожат. Надо выходить. Маленькая, маленькая сидит Тося в белом волосатом халатике на песке, под большой соломенной шляпой, словно тихий суслик, и отогревается. Слизнула с губы горько-соленую морскую каплю, вздохнула. Надвинула шляпу по самую пуговку-носик и сквозь гнезда плетенья смотрит: в каждой сквозной дырочке крохотная панорама – клочок неба и моря и сбоку сосновая лапа. Будто японская картинка.

В стороне визжат голоногие французские дети. Тося поворачивает голову. Смешные... Вырыли в песке яму, провели в море канал, наливают в яму из ведерка морскую воду, а вода вся удирает в море, домой... Толкают друг дружку, обливают из ведерка и заливаются. Но Тося к ним не идет. Ей и так весело смотреть на них, а толкаться и визжать она не умеет.

А вот и старшие мальчишки придумали игру. Посадили лягавого щенка в плоскодонный ботик и столкнули одного в море... Им, глупым, забава, а щенок весь съежился, подобрал лапы, качается на носу, плюхается на дно, наваливается

на борт и жалобно оглядывается на берег. Где земля, милая, твердая собачья земля? Тося остро переживает с ним каждый толчок, и, пожалуй, у нее сердце колотится еще сильнее, чем у щенка. Какой неуклюжий! Почему он не прыгнет в море? Поплыл бы, поплыл, и сейчас же и мель... Зачем это они с ним проделали? И взрослые тоже хохочут. Такие большие, сильные, и никто не догадается заступиться... В маленькой Тосиной жизни ее еще никто не учил, что справедливо, что несправедливо. Но, как трава растет, как солнце светит – детская правда и жалость приходит сама. Если приходит...

Но, слава богу, ветер добрее мальчишек. Повернул лодку, и щенок мешком в воду. Гребет, гребет боком, подальше от мучителей. Стекланные брызги во все стороны – и умчался в лес.

Тося улыбается. Хорошо еще, что они не посадили в лодку кошку или курицу. Она встает из своего халатика, он лепестком оседает на песок, и, смуглая, как фешек, идет в дюны. Вон они рядом, игрушечные, сыпучие холмики с сизыми колючками по краям. Сегодня под знакомой сосной должны распуститься морские лилии, француз-фермер называет их морскими нарциссами. Вчера бутоны были совсем пухлые, бледно-зеленые, с бледными продольными каемками. Раскрылись. И опять, как у моря, маленькая девочка складывает ладошки и разнимает: когда она откроет на свете какое-нибудь новое чудо, она всегда так делает, пока она к нему еще

не привыкла...

Лилии, стрелчатые строгие цветы, тише моря, тише неподвижных облаков, – вздымаются и благоухают. В игольчатых лепестках – коронка, в коронке – бледно-желтые молоточки... Тося наклоняется. Если лилии видят, понимают, чувствуют, конечно, они с таким же умилением смотрят на незнакомую маленькую девочку, как она на них.

Тося по глубоким песчаным волнам дюн, мимо ярко-изумрудных побегов гигантской сосны, пробирается дальше. Там за бугром в море впадает темным рукавом речушка. В камышах, сонная и застывшая. Если стоять тихо – увидишь, как в черной воде, извиваясь серыми жгутами, скользят ужи. Немножко страшно... Там, среди темных корней, шевелится всякая нечисть, со дна всплывают пузырьки, в камышах кто-то шуршит. Жабы или гадюки? Тося морщит лобик. У нее еще нет своих слов, но злое и безобразное ей непонятно – она не знает, зачем оно, почему гадюки всегда злятся, а огромные серые, сухие жабы так ужасны, что, как ни стараешься ласково взглянуть на них, – вздрогнешь и отвернешься.

Она поворачивается к берегу. Дети утомонились, лежат кружком на песке и греют спинки. На сосновой коре горит светлая смолистая капля. Большой черный муравей приклеился и никак не может вытащить из смолы лапки. Хорошо, что его увидела маленькая чужая девочка, а то так бы и пропал...

– Тося, домой!

Она слушает – ветер принес ее имя, но она еще не Тося, а так, лесной гномик, что ли... В самом деле, домой, домой. Ведь пора обедать: суп, ложка, полосатые занавески вокруг веранды.

И снова, проходя мимо молчаливых лилий, кивает им головой, – никто ведь не видит и не будет над ней смеяться. До завтра!

* * *

В стакане из-под горчицы стоит ветка цикория, который кладут в кофе – сморщенные бурые кусочки, – а цветы лазорево-дымчатого цвета, похожие на васильки. Васильки Тося видала только на картинке. После дождя весь луг за холмами, у моря, заголубел цикорием. Тося рассматривает милые, простые цветы и отгоняет сонных мух, которые все примащиваются на ветку спать... Сквозь дремлющие сосны пылает вишневым закат. Крылатое лесное население со всех сторон слетается к веранде: острогрудые гранатовые бабочки, длинноногие жучки и слюдяные блекло-зеленые мотыльки... Зажгут лампу, и все они, глупые несчастные чудачки, закружатся вокруг керосинового маяка, затрещат и погибнут. И без того такая коротенькая у них жизнь. Ну, лети к звезде, лети к луне, – зачем же к лампе?

Взрослые играют в ведьму. У кого на руках останется пи-

ковая дама, тот и «ведьма», даже если он мужчина. Тося уже знает: ведьма – это вроде Бабы Яги, только иногда она бывает красивая и всегда делает разные гадости. У девочки сегодня своя забава. Она пристально разглядывает каждого из сидящих за столом, точно впервые их видит, и представляет себе, какими они были маленькими...

Бородатый гость – инженер, наверное, – все строил на полу из спичек мосты, а когда на них наступали, ревел и колотил линейкой по ножке стола... Няня его все причесывала, а он сейчас пальцы в волосы и ходит, как лохматый куст. И так как у него не было бороды, которую он теперь все прикусывает зубами, он прикусывал кончик своего языка... Бабушка была толстенькой сдобной пышкой, сосала целый день мятные лепешки и все делала своим куклам ленивые замечания. Мама? Говорила-говорила без конца: с котенком, с чайником, сама с собой, с почтальоном и три раза в день меняла бантики. И была такая красивая, что весь Саратов удивлялся. Усики у нее тогда еще не было. Зачем же девочке усики?... Сосед, старичок, моряк, вырезывал из коры лодочки, никогда не сажал клякс ни в тетрадку, ни на штанишки и был чистенький и аккуратненький, как смазанное маслом пасхальное яичко... Всем тетям целовал ручку, а иногда по рассеянности и плечико.

– Тося, поди узнай у художника, который час, – говорит бабушка, озабоченно сдвигая пухлые бровки. Должно быть, вытащила у соседа «ведьму»...

Тося идет на дачу через дорогу. На крылечке сидит чубастый художник и сосет, чтобы отучиться курить, искусственную папироску.

– Добрый вечер. Бабушка просила у вас узнать, который час.

Художник тычет пальцем в один карман, в другой, в третий. Посмотрел даже себе за пазуху. Выудил наконец из кармашка на поясе толстые часы, чиркнул спичкой и сказал:

– Остановились. Теперь, должно быть, около девяти.

– «Около». Это больше девяти или меньше? – вежливо допытывается Тося.

– Меньше, – художник ухмыляется и сипло посасывает свой мундштук.

– Еще не отучились? – участливо, словно тяжелобольного, спрашивает девочка художника.

Он только рукой махнул. Тося опять на своей табуреточке. Бульдожка тихо-тихо лижет ей коленку. Ему ничего не надо, ни сахара, ни бисквита, – просто любит и больше ничего. Тося перебирает ласковыми пальцами теплое собачье ушко и смотрит на звезды.

В детской книжке много раз рассматривала она карты звездного неба. Всех карт четыре: звездное небо весной, летом, осенью и зимой. По черному фону все созвездия разлеглись в фигурках, обведенных белой полоской. Над головой забияка Геркулес. На юге, похожий на лангусту, Скорпион. На севере, немножко справа, толстая Большая Медведица.

На востоке – летящий Лебедь. На западе лысый старик Арктур погоняет двух собак. Но без карты, в настоящем небе, ни одного созвездия, кроме Большой Медведицы, не узнать. Звезды искрятся, роятся, сливаются, – прищуришь глаза – за большими мигают малые, за ними еще поменьше, как пылинки толченого стекла... Веранда улетела в небо. Тося на ней одна – ни гостей, ни бабушки, ни мамы... Чуть-чуть долетают до земли далекие голоса. Только теплый бульдожка под ногами. Темно-синяя пустыня вся в мохнатых светляках: плывут, словно снежные хлопья, задевают по лицу, но не жгутся – они холодные, как льдинки. Скользят между пальцами, ни одного не поймать... И вдруг с земли знакомый мамин голос:

– Тосик, спать...

Девочка очнулась. Прощается, целуется, уходит. Она не знает, что она сегодня увидит во сне, – хорошо бы Снежную королеву, она умная и многое бы Тосе объяснила...

Девочка старательно полощет зубки и прислушивается: сверчок опять чирикнул за комодом. Значит, поселился совсем, перебрался из леса на дачу. Бабушка говорит, что это «к счастью». А «счастье» – это когда нет болезней, счастье – это когда разыщут папу, счастье – это когда в срок платят за квартиру...

Никто не знает, никто об этом не думает, что на всем южном лукоморье, где стоит дачка с русскими жильцами, маленькая, тихо спящая девочка Тося – самое совершенное бо-

жье создание. Даже Тосина мама этого не знает. И только бульдожка, глупенький собачий увалень, смутно догадывается: бродит под оконцем за верандой, смотрит на неподвижную белую скамейку и вздыхает.